

Натаев Сайпуди Альвиевич

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории народов Чечни
Чеченского государственного университета

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ ГЕНЕЗИСА ЧЕЧЕНСКИХ ТАЙПОВ

Аннотация:

В статье рассматривается хронологический аспект формирования чеченских тайпов на основе анализа существующих интерпретаций. Автор приходит к выводу, что с XV в. в социальной организации чеченцев определяющим становится признак кровного родства, а не территориальный или профессионально-кастовый признаки, как это, вероятно, было до нашествия Тимура. Затем в социальной организации чеченцев под давлением экономических, военно-политических факторов определяющим становится территориальный признак. Происходит процесс образования территориальных обществ, анклавов, объединенных хозяйственными, военно-политическими интересами, по ландшафтно-географическому признаку.

Ключевые слова:

тайп, тайповая система, хронологический аспект, генезис тайпа, кровное родство, фамильные генеалогии.

Nataev Saipudi Alvievich

PhD in History, Assistant Professor,
Department for History of Chechen People,
Chechen State University

CONCERNING CHRONOLOGICAL ASPECT OF THE CHECHEN TAIPA GENESIS

Summary:

The article discusses the chronological aspect of the formation of the Chechen Taipa. Based on the analysis of existing interpretations, the author comes to the conclusion, that since the 15th century in the social organization of Chechens, the consanguinity became determining feature, rather than territorial or professional caste belonging, as it probably had been before the invasion of Timur. Later, in the social organization of the Chechens under the pressure of economic, political and military factors territorial basis became determining. There were territorial communities, enclaves combined by economic, military and political interests according to the geography basis.

Keywords:

Taipa, Taipa system, chronological aspect, genesis of Taipa, consanguinity, family genealogy

Предметом дискуссий в научной литературе часто становится вопрос о времени формирования тайповой системы организации общества в Чечне. Существуют точки зрения о том, что уже в XV в. произошло формирование основных нахских обществ и тайпов, существующих и сегодня. И.М. Сигаури пишет: «Думается, однако, что данное утверждение верное в том плане, что чеченский тайп не представляет собой какую-то статичную социальную организацию. Наоборот, постоянно и непрерывно шел процесс деления тайпов, отдельные внутренние подразделения которых превращались в самостоятельные тайпы. При этом в отношениях между тайпами могло образоваться многоступенчатое родство. Таким образом, правильнее было бы сказать, что в XV в. произошло формирование основ тайпо-тукхумной системы, в то время как процесс образования новых тайпов и тукхумов отнюдь не прекратился» [1, с. 313].

Л. Ильясов писал: «Тайпо-тукхумная организация, по всей вероятности, стала зарождаться и выполнять социально организующие функции в период после нашествия Тимура, когда были уничтожены чеченское государство с его институтами, правящие династии, навыки цивилизации, наработанные предками чеченцев в течение тысячелетий, когда чеченская земля погрузилась во мрак смутного времени, при котором действует один закон – право сильного» [2, с. 35].

По мнению И.М. Сигаури, «в этих условиях возрождение нахского общества шло через создание тайповых структур, которые сочетали в себе функции родственной патронимии и территориальной общины. Эта форма организации общества оказалась настолько удачной, что позволила нахам не только сохранить себя как этнос, но и вновь вернуться на равнины. Правда, по всем признакам одновременно с колонизацией плоскости начинается закат и самой тайповой организации общества, которая все больше вытесняется сельской общиной» [3, с. 318]. На наш взгляд, точка зрения о времени формирования нахских тайпов, основанных на началах кровного родства, а не по профессиональным и кастовым признакам, убедительна и обоснована.

Этнолингвистический анализ генеалогического древа известной в Чечне фамилии Мамакаевых из тайпа Чертой дает возможность вскрыть генеалогические корни происхождения тайпов Битарой, Чертой, Ялхой, говорить о хронологических рамках образования этих тайпов и по-новому смотреть на сам процесс образования тайпов в Чечне. На самом верху мы видим имя прародителя Уди – 1500 г. р., его сын Гили моложе отца на 25 лет. По преданиям Гили является эпонимом, то

есть основателем тайпа Гиланой, у него были сыновья Битаро (1577 г. р.), который стал основателем тайпа Битарой, Черто – эпоним тайпа Чертой (1575 г. р.), Ялхо (1569 г. р.) – пращур тайпа Ялхой (см. рисунок 1) [4, с. 93]. В пользу мнения, что тайпообразовательный процесс по признаку кровного родства происходил в XV–XVI вв., говорит и генеалогия фамилии Арсановых из тайпа Энганой. Основатель этого тайпа Энгани умер ориентировочно в 1490 г., и с тех пор сменялось двадцать поколений этого тайпа (фамилии). Согласно этой генеалогии, Энгани является основателем поселения Энганой в Нохчмокке юго-восточной части Чечни [5, с. 315].

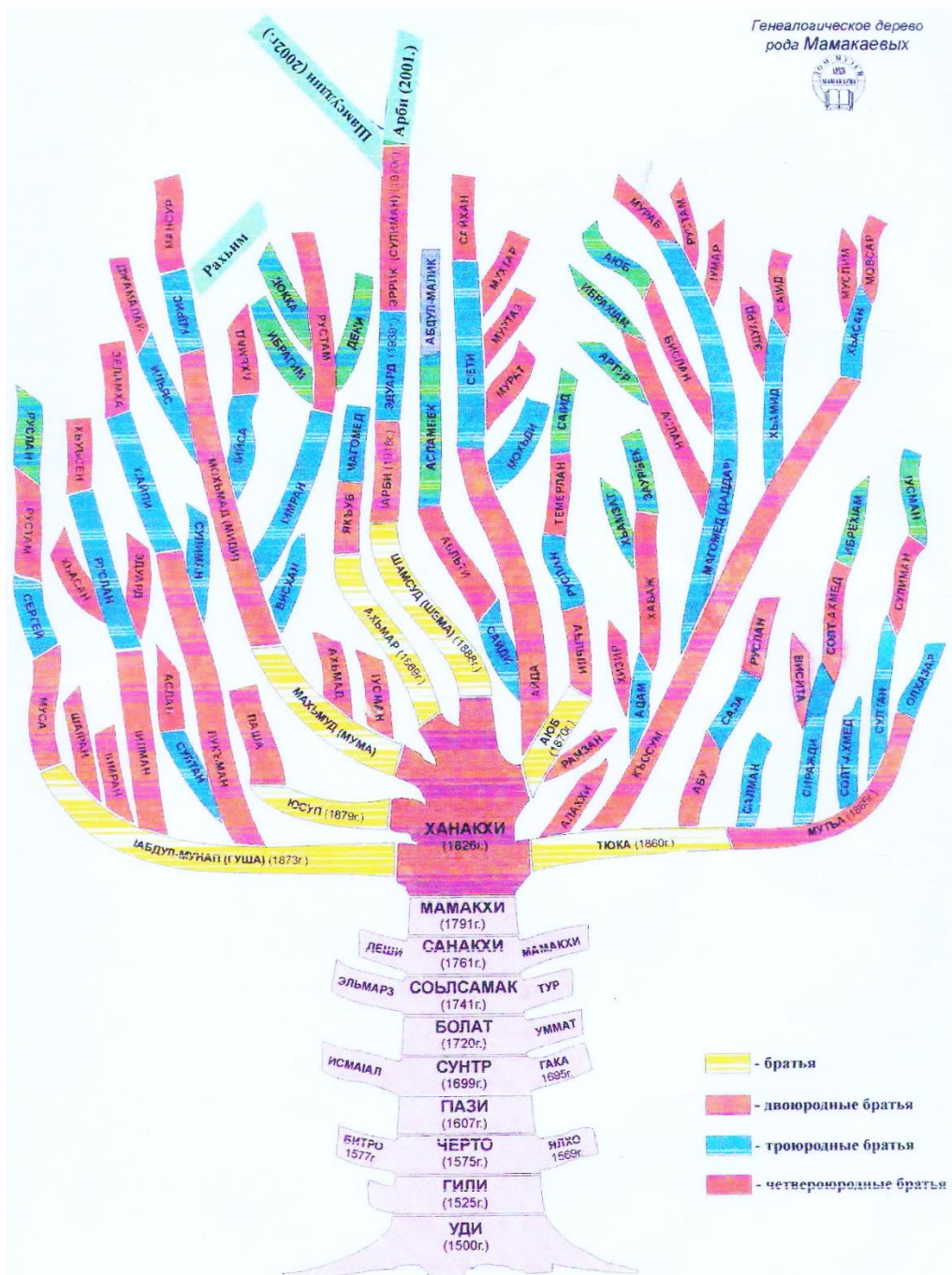

Рисунок 1 – Генеалогическое дерево рода Мамакаевых

Но надо отметить, хронологически, с XV в., как это подчеркивал М. Мамакаев, начинается процесс «второго издания тайпового строя» [6, с. 7], однако исследователи не принимали этот тезис в расчет. В социальной организации чеченцев определяющим становится признак кровного родства, а не территориальный или профессионально-кастовый признаки, как это, вероятно, было до нашествия Тимура. Уже с этого периода образование тайпов идет за счет сегментации отцовской семьи, увеличения и разрастания кровнородственных групп в родственные группы. В пользу

этого говорят фамильные генеалогии представителей тайпов Беной – 19 поколений, Сесанхой – 19 поколений, Цонтарой – 21 поколение, Дишний – 24 поколения, есть генеалогии 14–15 поколений, хронологически уходящие в XV–XVI вв.

Э.А. Борчашвили писал: «В условиях падения чужеземной и местной власти освободилось крестьянство. Разросшаяся крестьянская семья вторично становилась ячейкой образования больших патронимических семей, тайпов, тукхумов, их родственного, идеологического и экономического единства» [7, с. 194].

Кавказовед А.И. Робакидзе отмечал, что графический материал, отражающий структуру горных сел Чечено-Ингушетии, с анатомической ясностью показывает процесс формирования патронимического поселения. В этой структуре с исключительной четкостью выделяются первоначальные жилые и оборонительные башни, последующие пристройки в виде жилых башен филиации первого порядка (*некъи*), затем пристройки филиации второго порядка (*гара/ваьр*) и, наконец, кварталы тайпа.

Схемы расположения пахотных и сенокосных угодий, а также святилищ и склепов тоже сохранили четкие следы их принадлежности к отдельным патронимиям. Вместе с тем, хотя скудость материала (вызванная тем, что эти места давно заброшены их обитателями) и не позволяет составить полного представления о порядке раздела семейств, здесь имеются факты, свидетельствующие о том, что некоторые виды имущества не подвергались разделу. Это касается главным образом сенокосных лугов, расположенных вдали от села. Оборонительная башня, несмотря на раздел семьи, всегда оставалась в общем пользовании патронимии. Основная часть склепов составляла тайповую собственность, однако там, где тайпы развивались в сложные родственные системы, появлялись и гаровые (ваьровые) склепы [8, с. 97].

Изучение форм традиционных поселений чеченцев в горах показывает, что они с самого начала были образованы кровными родственниками – первопереселенцами-однофамильцами. Этот тип поселения чеченцы, как в свое время писали Е. Максимов и чеченский этнограф У. Лаудаев, сохраняли и в процессе переселения с гор на равнину [9, с. 194].

В своем описании горной Чечни К.Ф. Ган отмечал: «Прежде чеченцы жили в маленьких хуторах, и теперь еще сплошь и рядом жители одного аула носят одну фамилию» [10, с. 212].

На наш взгляд, катаклизм социально-политической жизни, разразившийся в связи с нашествием татаро-монгол, затем войск Тимура и, в частности, имевший следствием ограничение территории расселения чеченцев только горными районами, привел к изменениям принципов структурирования социальной среды, в том числе через тайпы. Формирование основных нахских обществ и тайпов, существующих и сегодня, имело место в XV в., когда, по формулировке М. Мамакаева, начался процесс «второго издания тайпового строя» и определяющим стал признак кровного родства, а не территориальный или профессиональный и другие признаки. Появление новых тайпов и общий рост их числа происходили за счет сегментации отцовской семьи (а не по схеме эволюционирования рода первобытно-общинного строя, как это до недавних пор утверждалось рядом авторов), за счет разрастания кровнородственных групп и трансформации их в родственные группы другого порядка.

На наш взгляд, упомянутая ранее вторичная генерация тайпов, происходившая в XV в. и позднее, возврат к архаичным институтам родства в социальной организации общества – это попытка вернуться к естественному порядку, общественному устройству, где нет насилия, где соблюдается гармония интересов личности и общества.

Затем в социальной организации чеченцев под давлением экономических, военно-политических факторов определяющим становится территориальный признак. Происходит процесс образования территориальных обществ, анклавов, объединенных хозяйственными, военно-политическими интересами, по ландшафтно-географическому признаку.

Ссылки:

1. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М., 2005. Т. 5.
2. Ильясов Л. Чеченский тайп: мифы и реалии // Вестник «Лам». 2001. № 4 (8). С. 33–40.
3. Сигаури И.М. Указ. соч.
4. Натаев С.А. Чеченские тайпы. Махачкала, 2013. 418 с.
5. Сигаури И.М. Указ. соч.
6. Мамакаев М.А. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный, 1973. 98 с.
7. Борчашвили Э.А. Общественно-экономический строй и классовые отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII веке и в первой половине XIX века. Тбилиси, 2001.
8. Робакидзе А.И. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа // Советская этнография. 1968. № 5. С. 96–97.
9. Борчашвили Э.А. Указ. соч.
10. Ган К.Ф. Экспедиция в нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 года // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1902. Т. 15. Кн. 4. С. 216.

References:

1. Sigauri, IM 2005, *Essays on the history and polity of the Chechens since ancient times*, Moscow, vol. 5.
2. Ilyasov, L 2001, 'Chechen Taipa: Myths and Realities', *Vestnik "Lam"*, no. 4 (8), p. 33-40.
3. Sigauri, IM 2005, *Essays on the history and polity of the Chechens since ancient times*, Moscow, vol. 5.
4. Nataev, SA 2013, *Chechen Taipas*, Makhachkala, 418 p.
5. Sigauri, IM 2005, *Essays on the history and polity of the Chechens since ancient times*, Moscow, vol. 5.
6. Mamakaev, MA 1973, *Chechen Taipa (genus) during its expansion*, Groznyi, 98 p.
7. Borchashvili, EA 2001, *Socio-economic structure and class relations in the Chechen-Ingushetia in the XVIII century and the first half of the XIX century*, Tbilisi.
8. Robakidze, AI 1968, 'Features patronymic organization among the peoples of the Caucasus mountain', *Soviet Ethnography*, no. 5, p. 96-97.
9. Borchashvili, EA 2001, *Socio-economic structure and class relations in the Chechen-Ingushetia in the XVIII century and the first half of the XIX century*, Tbilisi.
10. Gan, KF 1902, 'Expedition to the mountainous Chechnya and Dagestan in the summer of West 1901', *Proceedings of the Caucasus department of the Imperial Russian Geographical Society*, Tbilisi, vol. 15, book 4, p. 216.